

Владимир
Колганов

КТО

ВИНОВАТ?

Владимир Алексеевич Колганов

Кто виноват?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68863755

SelfPub; 2023

Аннотация

В этой книге автор в доступной ему форме попытался ответить на вопрос: кто виноват в том, что надежды многих людей на вполне обеспеченную жизнь до сих пор так и не сбылись, несмотря на обещания, данные нам свыше? А начинается повествование с того, что главный герой просыпается в Зимнем дворце. Поначалу он не понял, каким образом туда попал, а когда сообразил, что теперь он вроде бы как царь, решил навести порядок в государстве. Далее рассказано о том, к чему привело его благое намерение хоть что-то изменить к лучшему. Фамилии и имена персонажей, а также большая часть описанных событий вымышлены, все совпадения случайны.

Содержание

Глава 1. Пробуждение	4
Глава 2. Жил-был граф...	11
Глава 3. Жил-был барин...	17
Глава 4. Жил-был доцент...	24
Глава 5. Жил-был олигарх...	29
Глава 6. Жили-были мэр со старухой...	37
Глава 7. Жил-был генерал...	44
Глава 8. Жила-была золотая рыбка...	53
Глава 9. Жил-был король...	62

Владимир Колганов

Кто виноват?

Глава 1. Пробуждение

Однажды утром, когда за окном мела февральская вьюга, Иван Лукич Сиротин проснулся в совершенно незнакомом ему месте. Над кроватью – балдахин, на стенах – позолота, а паркет узорчатый – такой бывает разве что в музее. Выглянул в окно, а там – о господи! – ни что иное как Дворцовая площадь с Александровской колонной как раз посередине. Тут только он понял, что находится в покоях, где прежде обитали правители Руси, от Екатерины до последнего из Николаев: «Я-то как сюда попал? Помнится, жил в тихом переулке недалеко от Малой Бронной, потом дом признали аварийным, но теперь получается, что переселили не на окраину Москвы, а почему-то в Питер. Как такое могло произойти? Кому это понадобилось и зачем?»

Так бы и терзался неизвестностью, если б не открылась дверь и в покои не вошли двое бородатых мужиков в голубых ливреях. В руках у одного – шитый золотом белоснежный камзол и пурпурного цвета панталоны, у другого – сапоги со шпорами, начищенные до блеска. Поклонились в пояс и говорят:

– С добрым утром, государь! Портной и сапожник всю ночь трудились не покладая рук. Не изволите ли примерить?

Если вежливо просят, почему бы нет? Надел, всё оказалось впору... Только причём тут «государь»? С каких это пор стали использовать устаревшие названия – не гражданин, не господин? Хорошо хоть мистером не обозвали! Спрашивать неудобно, поэтому отложил вопросы на потом.

Позавтракал в одиночестве, только обслуга за спиной маячит – то ломтик осетрины предложат, то чаю горяченького подольют. Не хватало ещё, чтобы рот салфеткой утирали. Обхождение странное и непривычное, однако Иван Лукич пришёл к такому выводу: наверняка это госпрограмма для незаконно отселённых граждан. Что-то вроде компенсации, чтоб не обидно было – денёк-другой поживёшь по-царски, а потом опять в свою крупноблочную хибару в Южном Бутово, где среди ночи просыпаешься, даже если сосед чихнул, не говоря уже о том, когда пьянка до утра или смотрят телевизор.

Конечно, если всё это официально, надо было заранее предупредить, согласовать распорядок дня, наметить места для ознакомительных экскурсий – дворец огромный, есть, что посмотреть. А тут, как снег на голову, свалились два бородача в ливреях...

Кстати, об экскурсиях. Покончив с завтраком, Иван Лукич вышел в коридор, там оказалось множество дверей, а куда идти, неясно – если сунешься наобум, без должной под-

готовки, так и заблудиться можно. Одно дело, если народу много, тогда есть у кого спросить, но здесь словно вымерли все, либо до того заняты работой, что своего зада не оторвут от стула, пока не выполнят задание. Ощущение не из приятных, поэтому и возникла мысль: «Ну вот, накормили и бросили на произвол судьбы!»

В этот самый момент открылась самая дальняя из дверей, а из неё выскочил человек в мундире титулярного советника – оглянулся по сторонам и, увидев Ивана Лукича, радостно вскричал:

– Государь! А мы вас обыскались, – на бегу размахивает какой-то папкой и поясняет: – Срочные документы вам на подпись.

У Ивана Лукича мурашки по спине – хоть и «государь», но всё же боязно. А ну как заставят оплатить оказанные ему здесь услуги? Так мол и так, распишитесь в получении, а стоимость проживания мы из вашей зарплаты будем вычитать. «Да у меня сроду таких денег не водилось, чтобы во дворце пожить хотя бы один день!»

Но вот пришли в рабочий кабинет – оказалось, это рядом, за соседней дверью. На самом деле, не кабинет, а целая зала – тут в мини-футбол можно играть. Сесть за дубовый стол Иван Лукич так и не решился – там за креслом на стене двуглавый орёл. А ну как клюнет прямо в темечко? Предпочёл устроиться на кожаном диване, а потом спросил:

– Это обязательно подписывать?

Чиновник поясняет:

– Ну как же, вот указ о назначении нового министра культуры и ещё два законопроекта, с пылу с жару, прямо из Госдумы..

С одной стороны, хорошо, что не придётся ничего оплачивать, но с другой...

– А вы ничего не перепутали?

Тот чуть не плачет:

– Помилуйте, семь раз каждую буковку перепроверил.

«Буковки проверил – это хорошо. Но когда же до него дойдёт, что я тут совершенно ни при чём? Это президент указы издаёт, а со мной даже не советуется». И только тут глянул в то место, где должен расписаться, а там чёрным по белому: Президент Российской Федерации И.Л., а дальше с детства знакомая фамилия... «Как это так? Сплю я, что ли?». Для надёжности ущипнул себя за ляжку, но нет, не помогло. В голове сумбур от непонятных мыслей, поэтому еле выдавил из себя, ткнув указательным пальцем в свою фамилию:

– И давно я здесь?

Чиновник поначалу растерялся, а потом сообразил:

– Так ведь вчера ещё напечатали, – и опять с испугом: – Что-нибудь не так?

А Иван Лукич наконец-то нашёл объяснение этому феномену: «Видимо, хотят узнать мнение рядового гражданина – что-то вроде опроса общественного мнения. Сперва накор-

мят до отвала, а потом и спрашивают, нравится ему такой закон или не очень. Понятно, что сытый голодного не разумеет, однако, что подделаешь, угощение надо отрабатывать. Итак, кого же прочат в начальники над всей нашей культурой?».

В приложенной к указу краткой справке сказано, что кандидат в министры – журналист по образованию, что уже неплохо, а ещё...

– Позволь-позволь, но тут написано, что он был главой департамента кинематографии... Выходит, его надо благодарить за то, что наше кино упало ниже плинтуса?

Чиновник молчит, не зная, что сказать. Но потом нашёлся:

– Должен признаться, что в кино я не хожу, да и дома нет времени для этого. Весь в работе с утра до поздней ночи.

– Похвально! А я вот что вспомнил. Несколько лет назад этот ваш кандидат заявлял, что для него вечера памяти деятелей культуры – это сущий ад. На выставки, в музеи, в оперу и на балет он ни ногой, а классическую музыку на дух не переносит. Как это так? Кого ты мне подсунул? – и посмотрел на титулярного советника с явным намерением сделать с ним что-то нехорошее.

Тот ни жив ни мёртв:

– Это не я, государь! Вот те крест! Вы у начальства моего спросите.

– Спрошу, – Иван Лукич отложил проект указа в сторону

и взял в руки другой документ. — Это ещё что? Кому в голову пришла мысль повышать чиновникам зарплату? Они и так зажрались!

— Так ведь работы много, надо как-то стимулировать.

— А деньги у нас в бюджете есть?

— Да вот кое-что нашли, — и кладёт на стол законопроект об отмене индексации пенсии работающим пенсионерам.

«Через несколько лет и я могу оказаться среди них... Ну и как реагировать на это безобразие? Написать, что возражаю, или в ключья бумагу разорвать? Но тогда сразу вытурят отсюда, так и не узнаю, что будет на обед»:

— Ладно, потом посмотрю, что там накалякали.

Тот ни в какую:

— Государь, но так нельзя! Сроки поджимают, ведь Минфин сверстать бюджет не сможет.

«Вот ведь непонятливый!»

— Милейший, у нас что на первом месте? Интересы простых граждан! — и для наглядности мотнул головой в сторону окна. — А ты мне про бюджет всю плешь проел! Так что, пока не разберусь, ничего подписывать не стану.

Титулярного советника уже ноги не держат, бормочет, утирая слёзы:

— Он меня уволит...

— Это кто ж такой?

— Глава Администрации.

«Вот до чего дошло! Не президентского гнева бояться, а

какого-то главу, который у меня на побегушках».

– Да уж, работы с вами непочатый край! Совсем тут оборзели! Если так пойдёт, если каждый будет самоуправством заниматься, что с вертикалью власти станет?

Иван Лукич уже вошёл в навязанный ему образ, да так увлёкся, что готов был превысить полномочия и разогнать и Думу, и правительство, но тут вдруг какой-то внутренний голос подсказал: «Не гони! Ещё успеешь покомандовать. Сначала надо разобраться, что к чему». Эх, кабы заранее знать, что дальше будет, ну а так... Потребовал вызвать «на ковёр» того самого главу:

– Ты что себе позволяешь за моей спиной? То пенсионеров обижаешь, то вместо достойного кандидата на пост министра культуры подсовываешь свою протезе.

– Да не свою, а вашу, государь?

– Как это?

– Давеча изволили танцевать с ней на балу, вот я и сделал выводы.

«Что-то не припомню... Однако, если так у них раздают министерские посты, тогда конюха надо назначать министром транспорта, да и моей кобыле должность подыскать», – такие кошунственные мысли возникли в голове Ивана Лукича, а вслух сказал:

– Завтра же премьер-министра и министра финансов вызвать к десяти утра! И чтоб были оба, трезвые и без всяких отговорок.

Глава 2. Жил-был граф...

Ни графства, ни замка фамильного у него не было. Да и талантами особыми не был наделён. А пожить в неге и роскоши очень даже хотелось. Чего только он не предпринимал – и всё напрасно. От безысходности устроился в тюрьму надзирателем – злобу на зэках срывать. Уж он их поколотил нещадно, словно домушники и фармазонщики были виновны во всех его личных неудачах. Однако и тюрьма, как водится, утешения не принесла.

А тут как раз в моду вошло реформы проводить. Графства переименовывали в царства, баронов стали называть князьями, а общинные земли – поместьями. Смекнул граф, что здесь, ежели подсуетиться, и ему немалая толика может перепасть. Имущество – вещь тонкая. Оно, если резко дёрнуть, и порвётся, а отдать с умом да в надёжные руки – приличные бабки можно наварить. Тем и занимался до поры, до времени.

Однако рано или поздно всякое увлечение теряет свою привлекательность. Потому как передел имущества – это тебе не зэков беззащитных избивать, здесь братва авторитетная свой интерес имеет. Да и масштабы не те, о чём мечталось.

Тут как раз пришла пора очередного реформирования недоразвитого нашего королевства. В первую очередь – рын-

ка, что на Базарной площади, да и всех остальных барахолок, угодий и мануфактур. А кто лучше графа с этим справится? Короче, граф с увлечением взялся за дело.

Одни начальники, как пересядут в новое кресло, принимаются за отстрел тараканов и мышей, кои из шкафов со служебными бумагами норки на волю прогрызли. Граф же ни с того ни с сего занялся отловом любителей мяса в собственном ведомстве. Вроде, в вегетарианстве не был уличён, но вот обжорства не выносил. Потому как сам всегда спортивную форму поддерживал – при молодой-то графине в самый раз.

Однако и это занятие удовлетворения не приносило. Ещё бы, ведь сколько средств ни выделяй – всё пропьют, проедят и спасибо не скажут. Тут у них с Главным Казначеем сложилось полное единство мыслей и способов их воплощения, вплоть до того, что обоим не терпелось в кресло первого министра перебраться. Кстати, ничего удивительного в этом нет – в нашем королевстве покои веку на графьёв да на варягов равнялись. Тем более, что нынешний-то первый министр – ни рыба, ни мясо, ни амбиций, ни увлечений. Только деткам своим в карьере способствует – так без этого никак нельзя! Одна незадача – кресло-то всего одно, не пилить же его напополам. А король, по давней, ещё дореформенной, привычке, своих пристрастий никак не проявляет.

Так и живём. Казначей да реформаторы в креслах сидят, чернь с хлеба на воду перебивается. А граф тут как бы при

чём? Такая вот страна...

Иван Лукич проснулся среди ночи. Ну можно ли спать, когда в стране творится полный беспредел? Хотел тут же Совет безопасности созвать, но потом рассудил, что спросонья они такого насоветуют... «Да наверняка не всё так плохо, поэтому незачем паниковать!» Повернулся на другой бок, но сон никак не шёл – словно бы кто-то нарочно на ночь ему страшную сказку рассказал, вот и вертится она в голове, не позволяя упасть в объятия Морфея. А потом задумался: «Причём тут граф, если титулы давно уж отменили? Видимо, здесь намёк на министра экономики. Это ж он ратовал за распространение вегетарианства и утверждал, что корова – не самый эффективный преобразователь травы и воды в молоко и мясо, а коли так, нам не обойтись без инновационных технологий. Ну и где теперь все его новации? Денег немеряно вложили, а всё равно без коровы никуда! Надо бы разобраться и с реформатором, и с казначеем». Как только Иван Лукич принял это судьбоносное решение, тут же заснул и больше уже не просыпался до самого утра.

Ровно в десять часов в его кабинет вошли двое – премьер-министр Семён Иванович Пеструхин и глава Минфина Порфирий Алексеевич Мудриков. Кто есть кто, Иван Лукич без труда определил, поскольку заранее покопался в интернете: «Оба мордастые, отъелись на казённых харчах. Да если б я имел зарплату действительного статского советника, прибавил бы в весе килограммов двадцать, а то и боль-

ше этого». Однако внешность тут явно ни при чём – надо бы понять, какие мысли бродят в этих головах и почему приняли решение урезать пенсии тем гражданам, у кого ещё есть желание и силы приносить Отчизне пользу.

Для начала пришлось выслушать отчёт казначея – слава богу, отчитался только за последний месяц, а то слушать эту тягомотину совсем не вмоготу, да и тут Иван Лукич едва сдерживал зевок. Главный вывод прост до безобразия: денег в казне, будто кот наплакал. Спрашивает Иван Лукич:

– Как же так? Мы ведь миллиарды получаем за продажу наших внутренних ресурсов.

Мудриков не задумываясь отвечает – шпарит словно по шпаргалке:

– Во-первых, часть выручки уходит в неприкосновенный запас...

– Это зачем?

– На случай всемирной катастрофы.

– Тогда ведь никакие деньги не понадобятся!

– А если кто-то выживет, чем будем их кормить?

«Логика убийственная, она и впрямь до беды может довести. Ну да ладно, послушаем, что там во-вторых»

– Во-вторых, как ни старается Минздрав, однако население не молодеет. Вот и приходится по сусекам соскребать старикам на пенсию.

«Час от часу не легче! Впрочем, старение – это естественный процесс. Было бы здоровье, а тогда за приличную зар-

плату можно поработать ещё пару лет». Так и сказал, но Мудриков только развёл руками, зато у Пеструхина появилась возможность вставить своё слово:

– Давеча подняли мы возраст выхода на пенсию. Не помогло!

– Неужели нет других вариантов?

– А где их взять? Зарплату сокращать не можем, она и так невелика, особенно за пределами московской кольцевой автодороги. А тут ещё армию перевооружаем...

– Неужто будет война?

– Так ведь кругом враги, каждый мечтает откусить хоть маленький кусок от нашей территории.

«Что-то я этого не замечал. Впрочем, у них информация из первых рук, не то, что у меня».

– Ну ладно, война так война. Если сунутся, дадим им прикурить. Но почему одни жители России голодают, а другие с жиру бесятся?

Мудриков и Пеструхин переглянулись – очень уж странный вопрос задал государь. Это всё равно что спрашивать, почему дважды два четыре, а не десять.

– Видите ли, в чём тут дело, – Мудриков поправил галстук, затем откашлялся и молвил: – В общем, тут такая ситуация. На всех ведь всё равно не хватит, поэтому пусть лучше будет диспропорция в доходах, чем уравниловка, та самая, что была при большевиках. Иначе стимула к труду у нас не будет.

Подобной логики Иван Лукич понять не в состоянии:

– То есть как? Топ-менеджеру «Газтрона» стимул нужен, а простой работяга обойдётся и без этого?

– Да куда он денется? – выпалил Пеструхин, но тут же прикусил язык.

Когда они ушли, Иван Лукич долго размышлял, что дальше делать. Всё потому, что ничем их не проймёшь – будут навешивать лапшу на уши и сохранять это безобразие любыми средствами, пока не доведут народ до истощения. Лаской и кнутом не заставишь их поступать по справедливости, а пряников не хватит на всю эту ораву – всё слопают и даже спасибо не дождёшься. Тут нужен особенный подход. «Как там сказано: каждому по труду? А если труд заключается только в том, чтобы отдавать глупые приказы, каким аршином его нужно измерять?»

Тут в голове родилась каверзная мысль: «Вроде бы у нас народовластие, а всё решают какие-то чиновники. И что тут делать – конституцию менять или воспитывать новое поколение людей, преданных народу, а не власть имущим? Так ведь долго ждать».

Глава 3. Жил-был барин...

Барин как барин, только очень эхо любил. Как взойдёт на пригорок, как гаркнет – а потом прислушивается, не отзовется ли кто. Крикнет барин: "Я барин хороший!", а в ответ ему "хороший... хороший", да к тому же с разных сторон, по всем правилам новейших теорий. Крикнет барин: "Добрый у вас барин!", а ему в ответ "добрый... добрый".

А вот случилось крикнуть как-то раз: "У нас в имении – демократия!" – и нет эха, только кряхтение странное из ближних кустов.

"Непорядок, – думает барин, – надо бы с этим эхом разобраться". И невдомёк ему, что в ближних кустах о ту пору конюх обретаётся, а на дальней опушке – кузнец. Они это самое эхо и делают. Только ведь эти новомодные слова, хоть в раскорячку встань – ну, никак не выговорить.

Наслушавшись вдоволь эха, идёт барин к дому аккуратно через птичник. И каждый раз одну и ту же сцену застаёт – петух курицу топчет. Барину бы радоваться – яичницу из пяти яиц на завтрак он очень уважал. Да только в тот раз, как демократия из кустов не отозвалась, не понравилось ему всё это. Вот и спрашивает он курицу: "Что ж петух тебя с утра до ночи дерёт, а ты-то что – когда петуха начнёшь топтать? Курица от этого дикого вопроса так растерялась, что только и смогла вымолвить: "Не могу-с".

Осерчал барин сверх всякой возможности: "Как так не могу? Ты разве не слыхала, что у меня в имении демократия? Так чего ж не топчешь петуха?" Курица, слегка оправившись, ему и отвечает, мол, про демократию слыхала, да больно уж петух силён.

Дело кончилось тем, что приказал барин птичник разогнать, а яиц с той поры в рот не брал.

А что ж эхо? А эхо как прежде, так и сейчас – из кустов конюх орёт, а с опушки ему кузнец вторит. Всё путём...

– Да что ж это такое? Как ночь, так опять сон из той же серии. Может, потому и выбрали меня, что никто другой не в состоянии здесь спать?

Эти слова Иван Лукич произнёс вслух, втайне надеясь, что кто-нибудь услышит и даст логическое обоснование тому, что только-что приснилось. Однако в царских покоях он один-одинёшенек, поэтому и ответить некому. Предлагали девицу для интимных услуг, но Иван Лукич отказался – много важных дел предстоит решить, так что надо хорошенько выспаться. А тут ещё сомнения по поводу народовластия... Новгородское вече осталось в глубокой старине, не говоря уж о Древней Греции, откуда всё пошло, а что теперь? Народ выбирает каких-то представителей, но чьи интересы они будут в Думе защищать, никто заранее не знает. Всё потому, что на словах у народных избранников одно, а в головах совсем другое, и нет реальной возможности, чтобы в этом разобраться. Сегодня будет встреча с руководителями дум-

ских фракций – может, они что-то прояснят.

Но вот пришли – всем четверым уже под семьдесят, состарились, пока в Думе заседали. Только непонятно, зачем все эти хлопоты с выдвижением кандидатов, с предвыборной программой, если всё решает большинством одна единственная партия, а предложения оппозиции – коту под хвост? При чём здесь демократия, если голос избирателя никто не слышит?

– Для нас это средство борьбы за власть, – такое толкование демократии дал председатель партии «За правду!». – Ну а когда захватим Зимний дворец, телеграф и телефон, тогда установим диктатуру пролетариата и будем строить коммунизм. Что тут непонятного?

– Непонятно, зачем вам депутатские мандаты, – возразил глава объединения «Каждому по справедливости». – Взяли бы в руки автомат и бегом на баррикады.

– Для нас это неприемлемо, мы уважаем конституцию страны. А вот когда легитимным путём придём к власти, всё сделаем по-своему.

– Никогда этого не будет! – рассмеялся лидер партии «Мы первые», занявшей третье место на последних выборах. – Скорее уж остров Пасхи войдёт в состав России или америкосы Аляску нам вернут.

– Островов у нас своих хватает, и Аляска даром не нужна. Мы вон Чукотку всё никак не можем обустроить! В третьем тысячелетии народ по-прежнему живёт в юртах, на оленьих

упряжках ездит. Стыдоба!

– А не вы ли критиковали наш законопроект о строительстве узкоколейки из Магадана на Сахалин?

– Неправда ваша! Минфин пригрозил урезать зарплату депутатам, и мы вынуждены были...

– Были, не было... Какая разница, если авторитет нашей партии поставлен под удар?

– Да какой там авторитет? За вас только слепые старухи голосуют!

– А за вас маргиналы!

– Кто бы ни голосовал, но мы старейшая партия страны, а по составу самая молодая.

– Дурней с претензией на власть везде хватает. Вот и Россия ещё не обеднела подобными «talантами»...

Спор между тремя ветеранами предвыборных батальонов мог продолжаться бесконечно долго, а глава правящей партии словно бы в рот воды набрал. Но вдруг оглушительно чихнул и, воспользовавшись замешательством коллег, обратился к Ивану Лукичу:

– Я вот о чём подумал. А что, если организовать трансляцию нашей встречи по телевидению? Нам нечего скрывать от народа, пусть знают, кто выступает за диктатуру, а кто за высадку десанта ВДВ на остров Пасхи. Я уж про Чукотку не стану говорить, там уже давно проложено метро и созревают апельсины круглый год.

Идею с трансляцией не поддержали, а на чукотском метро

не стали заострять внимание – пойдй проверь, есть ли оно или нет, но даже если уже функционирует, всё равно это чудо из чудес запишет себе в заслугу правящая партия. Поэтому продолжили спор о достоинствах электората...

Если бы Ивану Лукичу сказали, что он по-прежнему спит, с радостью поверил бы, но, увы, такого человека не нашлось. Поэтому и вынужден был ещё целый час слушать обвинения в клевете, в передёргивании фактов, в обмане избирателей. Слава богу, что до драки дело не дошло, но президентский кабинет партийные функционеры покинули слегка побитые, так ни о чём и не договорившись. Только глава правящей партии задержался по просьбе Ивана Лукича.

Причина в том, что за время этой перебранки к Антону Евгеньевичу Мясоедову накопилось множество вопросов. И дело не в «чукотском метро» и не в заполярных апельсинах – Иван Лукич всего-навсего хотел понять, что из себя представляет демократия по-думски, и получил такой ответ:

– Что тут долго рассуждать? Народ проголосовал за нашу партию, то есть не все, но подавляющее большинство. Это значит, что люди нам доверяют и мы можем делать всё, что посчитаем нужным.

– А как быть с интересами меньшинства?

– Так ведь, Иван Лукич, всем невозможно угодить! Как говаривала моя тёща, царство ей небесное, на вкус и цвет товарищей нет, вот и выбираем меньшее из зол.

– Но если приходится ущемлять права меньшинства во-

преки требованиям конституции?

Антон Евгеньевич замахал руками, словно бы отгонял назойливую муху:

– Нет, что вы, этого не может быть! Впрочем, если иногда случается, обиженные имеют право обратиться в суд, в прокуратуру.

– Думаете, их там поймут?

– А почему бы нет? Там люди образованные, опытные.

У Ивана Лукича в таких делах был кое-какой опыт, но рассказывать о своих злключениях не стал, только спросил:

– Вы помните, что написано в пятьдесят пятой статье нашей конституции?

– А как же? – удивился такому вопросу Антон Евгеньевич и процитировал: – "В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина".

– Это второй пункт статьи, но есть ещё и третий. Там сказано примерно следующее: права и свободы могут быть ограничены законом, если это необходимо для защиты прав и законных интересов других лиц. Ну и далее по тексту. Теперь представим, что некие чиновники заинтересованы в увеличении своей зарплаты, а денег для этого в бюджете нет. Как этого добиться?

Антон Евгеньевич только развёл руками:

– Сразу как-то не соображу...

– А я вам подскажу. Чиновников у нас три миллиона, а ра-

ботающих пенсионеров более восьми миллионов. Если каждому такому пенсионеру урезать пенсию на пять тысяч, это позволит повысить зарплату чиновникам в среднем на тринадцать тысяч. По-вашему, такое решение Госдумы соответствует принципу народовластия? Если понимать это в более широком смысле, готов ли народ пожертвовать собой ради ваших интересов?

Другой бы сразу записал Ивана Лукича в иностранные агенты, но, когда такое говорит сам президент, тут надо бы подумать прежде, чем делать выводы.

На этом разговор закончился, поскольку Антон Евгеньевич так и смог внятно ответить на вопрос. А по дороге в штаб-квартиру партии всё пытался найти ошибку в этих вычислениях, но так и не нашёл: «Опять меня подставили! Они там в Думе нахимичат, а я снова виноват».

Глава 4. Жил-был доцент...

Жил, не тужил. На высокие должности внимания не обращал, в чужие кошельки не заглядывал. Папа – профессор, мама – профессорша. Что ещё требуется от наследника – не уронить в грязь лицо и сохранить верность семейным традициям. И вот, надо же...

"Чёрт меня дёрнул – в эту Администрацию устроиться. Сидел бы себе за кафедрой, супчик диетический в студенческой столовой хлебал, учил подрастающее поколение уму-разуму. Так нет, поддался на уговоры – ты да я, да мы с тобой, нам без тебя никак..." Соблазнительно всё это, но уж больно хлопотно. Голосок-то у доцента совсем не командирский, личико скорее к лирическому отступлению располагает – ну, какой из него рукамиводитель, да ещё общероссийского масштаба?! Нет, говорят, вполне справляешься. Уже то, что врагам нашим не продался – заслуга неоценимая. А как тут продашься, когда никто и не предлагает?

Что и говорить, скверная должность досталась. К тому же безликая чиновничья масса – со всех сторон, и кроме отвращения – других эмоций не вызывает. Работают от инструкции до инструкции, по принципу – шаг вправо, шаг влево считается прогул. И никакой инициативы – уж очень риск большой, можно без премиальных остаться.

И кто бы мог подумать, что столь непредставительную фи-

гуру двинут в ферзи? Такое разве что в кошмарном сне приснится. "Да не могу я! Попросту боюсь! Не надо! Не хочу!" Долго отбивался доцент, но силы оказались не равны. Поставили на ещё более руководящий пост и записали кандидатом в президенты.

И вот, с тех самых пор снится по ночам доценту один и тот же сон. Будто уже торжественный марш отзвучал, и фанфары чего-то пропели, – словом, начинается инаугурация. А он никак не может вспомнить, в какой карман шпаргалку с речью положил.

Ну, что с него возьмёшь? Доцент, он и есть доцент...

Этот сон Ивану Лукичу так и не приснился – подручные Морфея отправили его по другому адресу, прямо в спальню Мясоедова. Всё потому, что негоже человеку, даже президенту, лезть в чужие сны, тем более если там речь идёт о претензиях на высший пост в государстве. Ну а Антон Евгеньевич к этому сну уже привык, не обращал на него внимания – тут наяву такое происходит, что не до вещих снов.

Вечером того же дня Антон Евгеньевич рассказал о последних событиях жене – будто президент усомнился в том, что чиновникам нужно повышать зарплату. Та в ужасе:

– Ох, как некстати! Я как раз присмотрела новую «ауди» розового цвета...

– Ещё говорит, какая же это демократия, если пенсии снижают.

– Да как он мог? Это же последнее дело – поднять руку на

святое! Мы и так плетёмся в хвосте цивилизованного мира, а если демократию отменят...

– Вряд ли до этого дойдёт, но кое-какие изменения возможны.

– Ах, Тоша, я же тебя предупреждала, нельзя назначать этого Ивана президентом.

– Софочка, так никто его не назначал – народ выбрал!

– Не рассказывай мне сказки! Знаю я, как это у вас делается.

– Что уж теперь? Да я и предположить не мог...

– А что ты вообще можешь? Меня надо слушать, а то вообразил себя чуть ли не пупом всей Земли.

– Ну, ты это... Ты не увлекайся.

– Да как же мне молчать, если интересы семьи ставишь под удар?

– Какие ещё интересы? – после рабочего дня Антон Евгеньевич о том только и мечтал, что добраться до доброты до любимого дивана, а тут, видишь ли, пристала, как банный лист.

– Ты что, уже забыл? – не унималась Софья Павловна. – Ведь столько уже говорила тебе про то, что у каждого политика должна быть своя семья. Ты им помогаешь, они тебе, на этом только демократия и держится.

– Софочка, родная! – умоляющим тоном даже не проговорил, а прошептал Антон Евгеньевич. – Только не сейчас! Пойми, в штаб-квартире партии только об этом и говорим,

делом даже заниматься некогда, а приду домой – и ты туда же.

– Да не могу я молчать, когда того и гляди уравниловку введут! – Софья Павловна совсем разбушевалась: – Антон, куда подевалось твоё мужество? Где забота о тех, кто поднимал страну из руин в начале 90-х? Где, наконец, ответственность перед нынешними спонсорами? Да приструни ты как-нибудь этого Ивана, не помнящего своего родства, если не можешь снять его с работы!

Не зная, как успокоить разбушевавшуюся супругу, Антон Евгеньевич ляпнул:

– Как я его приструню? Он президент, а я только пятое колесо в телеге, – и виновато улыбнулся.

– Знала бы, никогда бы за такого размазню не вышла! Короче, я спать пошла, а ты посиди ещё, подумай.

А как тут думать, если от услышанного за день раскаляется голова? Это вам не лекции читать в университете!

На следующий день созвонился с Мишей Идельсоном – так мол и так, подскажи, что делать. Тот долго не раздумывал и сразу выдал:

– Надо избавляться от этого Ивана!

– Но как?

– Если законопроекты не подпишет, нужно объявлять импичмент.

– Миша! Я по образованию юрист, и со всей ответственностью заявляю, что легальных оснований для импичмента

нет и не предвидится.

– Кто из нас председатель партии, ты или я? Вот и проводи с депутатами работу. Они ведь тоже страдают от инфляции..

– Депутатские страдания – это не повод для импичмента.

– Пусть пораскинут мозгами, что-нибудь придумают. Да не мне тебя учить! Причин можно найти немало, скажем, неизлечимая болезнь...

– Он здоров как бык! Мне бы такое здоровье в его возрасте.

– Так покопайтесь в его прошлом. На любого человека можно компромат найти.

– Не суди по себе! А он чист перед законом, накануне инаугурации ещё раз проверяли.

– Ну, тогда не знаю... Надо посоветоваться с Яшей Либерзоном, он мастак в таких делах.

– Постарайся, Миша! На одного тебя надежда.

Глава 5. Жил-был олигарх...

Жил он счастливо. Детей у него было видимо-невидимо, а слуг – ещё больше. А всё потому, что денег навалом – в разных там баночках, шкафчиках и сундуках понапихано, даже в вазоны расфасовал, не говоря уже о том, что под матрасом у олигарха всегда наготове была солидная заначка.

И чему тут удивляться, ежели каждое утро спозаранку, не успеет ещё солнышко над лесом показаться, олигарх уже спешит в тайгу. С лопатой наперевес, и кузовок вместительный за плечами. Зайдёт в лес поглубже, носом в разные стороны поведёт, воздух ноздрей потянет – "ага, здесь!". И только землю раскопает, как оттуда, словно рябчики из травы, начинают выпрыгивать монеты золотые, одна за другой, одна за другой. И прямо в кузовок ровными рядами ложатся, чтоб пересчитывать потом легче было.

Наполнит олигарх кузовок, ямку землёй забросает, потопчетя чуть, да хворосту ещё на это место подкинет – и домой! А по дороге к дому всё думает, куда ещё можно монеты добытые распихать.

Долго олигарх так семье капиталы на пропитание добывал, но однажды стал примечать, что следом за ним кто-то по лесу ходит. Раз ходил, другой, а на третий раз олигарху боязно стало. Чего уж тут – вот приложат обухом-то по голове, кузовок отберут, а чем же я семью кормить буду?

Подумал олигарх, погоревал немного о нераскопанном ещё богатстве и решил удариться в бега. Избу продал, а на полученные деньги дюжину подвод купил, чтобы сундуки да шкапчики с монетами на них сподручнее было увезти. И в путь!

Прошло время. Устроился олигарх с семьёй на новом месте, как раз у самого синего моря, где золотая рыбка обитала. Только рыбка эта ему вроде ни к чему – он и сам со своими желаниями вполне справляется. Что ж ещё надо, если на каждом берегу моря – по белокаменному дому да по персональной ладье?

Только стал олигарх с некоторых пор замечать, что народ окрестный как-то недобро посматривает на его дома, да и ладьи его под белоснежными парусами, похоже, у кого-то зависть вызывают. Ох, как бы до шкапчиков и баночек с монетами не добрались?

И решил он тогда вот что. Все монеты свои дворовым раздал, дома сыновьям отписал, а дочерям – лодки. С женой троекратно облобызался, собрал в платочек горсть родной земли и за ворота – пошёл куда глаза глядят! Только его соседи, сбежавшиеся на плач да причитания супруги, и видели. Вот и всё. Народ посудачил, побряхтел и довольный разошёлся.

А на следующее утро через те самые ворота заходит во двор некто чумазый и босой, в одном исподнем и с узелком в руке. А бывшая супруга олигарха на глазах у сбежавшихся

соседей его дворовой челяди и представляет – вот вам новый управляющий, по-заморскому, топ-менеджером называется. Чтоб у него – ни-ни!

Всё бы ладненько, да только уж больно он на прежнего олигарха смахивает – рожа кривая, глаз с поволокой и волчья пасть. Ну до чего похож!..

На этот раз Иван Лукич ничуть не удивился, когда очередное сновидение оказалось то ли с криминальным, то ли с политическим подтекстом. Как и многие пользователи интернета, он был наслышан о деловых связях Мясоедова с неким олигархом. После того, как владелец небольшой нефтедобывающей компании Михаил Идельсон за несколько лет стал миллиардером, много слухов ходило по сети о причинах такого удивительного взлёта, и все сошлись на том, что, если человек умеет дружить с нужными людьми, тогда успеха в бизнесе обязательно добьётся. Вскоре Идельсон оказался в списке Форбс, да ещё и занял второе место в категории самых богатых предпринимателей России.

А всё началось с того, что он получил право на добычу газа в одном из дальних регионов на севере Сибири – злые языки утверждают, что решающую роль тут сыграла дружба с Мясоедовым, само собой не бескорыстная. Нажитый таким образом капитал Идельсон частично переписал на членов семьи, да кое-что перевёл «за бугор» от греха подальше, и этому не стоит удивляться в нынешних реалиях. Так что содержание последнего сна Ивана Лукича мало отличается

от того, что произошло на самом деле.

К этому следует добавить, что Идельсон с недавних пор стал одним из спонсоров предвыборной кампании той самой партии, которую возглавлял Мясоедов – наверняка и депутатов подкармливал от щедрот своей души. Но вот чего не знал Иван Лукич, так это имени той «светлой головы», которая разработала уникальную комбинацию по добыче золотых монет из сибирских недр – тех самых недр, что, согласно конституции, по-прежнему числятся народным достоянием.

Подобные идеи, как известно, не рождаются просто так – нужна веская причина для того, чтобы заставить работать мозговые извилины на пределе их возможностей. Обычно всё сводится к деньгам – человек со скромными потребностями никогда не станет напрягать свой мозг, чтобы заработать миллион, если ему достаточно и половины этой суммы. Но есть категория людей, для которых содержимое кошелька является мерилom всех ценностей, существующих в подлунном мире – таким человеком и был Миша Идельсон.

Когда-то он трудился рядовым инженером на НПЗ, однако Яше Либерзону, в то время занимавшему пост вице-губернатора одной из областей в Поволжье, понадобился надёжный человек для того, чтобы наложить лапу на весьма прибыльные местные активы. Сам он не мог действовать в открытую, а Мише, с которым в школе сидели за одной партой, вполне можно было доверять – не сдаст ни при каких условиях. Сказано – сделано, и за относительно короткое

время оба обзавелись солидным капиталом. Однако Идельсону масштабов одной области показалось мало:

– Яша! Ты из нас самый головастый, придумай, как мне выйти на более высокий уровень?

– Родственников поищи на Старой площади или в Кремле.

– Да нет там никого! Ни кума, ни троюродного дяди. Неужели других вариантов не найдёшь?

Яша долго думал, и вот в его голове родилась уникальная идея – наверняка её давно уже используют за рубежом, однако в России ничего такого не было:

– Учреди благотворительный фонд.

– Ты совсем сдурел? Лучше я свои капиталы на Кипр переведу или куплю недвижимость в Москве...

– Эх, Мишаня, как был ты лаптем, так им и остался. Недвижимость твою могут отобрать, зарубежные счета блокируют, а вот благотворительный фонд никуда не денется. Не посмеют они оставить без помощи сироток и бедных стариков!

– А мне-то что с того?

– Так это смотря, на кого будет работать этот фонд. Если на благо человека влиятельного, занимающего высокий пост в столице нашей Родины, тогда вполне можешь рассчитывать на ответную любезность. Тут действует простая логика – чем ты богаче, тем больше ему перепадёт.

– Это что-то вроде взятки?

– Ой, только не надо меня уголовным кодексом пугать! Это не то, что у нас с тобой – ты мне, а я тебе. С ним такой фокус не пройдёт, поскольку риск слишком большой. А вот если изобразить всё это как благотворительность, тогда он точно не откажется.

– Так где такого взять?

Самым подходящим для этого дела оказался Мясоедов, с ним и заключили негласный договор. И понеслось!

Всё бы хорошо, то есть лучше не придумаешь, но в последнее время возникло некое недопонимание с московским мэром. Только начал Идельсон возводить на юго-западе города комплекс офисных зданий для своей компании, не забыл и гостиницу для заезжих фирмачей – чем мы хуже «Газтрона»? – как вдруг буквально в нескольких метрах от его детища появилась целая армия бульдозеров и прочей землеройной техники. Пока Идельсон пытался сообразить, что бы это значило, они уже выкопали котлован, а вслед за этим стали забивать в землю сваи – того и гляди стены возводимых зданий треснут или грунт просядет. Оказалось, что прокладывают новую линию метро открытым способом – дело нужное, но почему с ним не согласовали?

Когда пожаловался Мясоедову на мэра, тот только руками развёл, мол, этот Судыкин частый гость в Кремле, так что тягаться с ним партийному функционеру не по силам. Идельсон, конечно, возмутился:

– Как пользоваться услугами моего благотворительного

фонда, так ты первый, а когда я нуждаюсь в помощи, ты сра-
зу в кусты!

– Миша, пойми, что Судыкин не обязан согласовывать со
мною свои планы по реконструкции Москвы. Да и поздно
уже закапывать этот котлован. Ну а если стены треснут, об-
ращайся в суд.

– Вот ты как заговорил! Ладно, я это тебе припомню.

Вызвал Идельсон главного своего юрисконсульта и поста-
вил перед ним задачу: добиться, чтобы стройку метро при-
знали незаконной:

– Пошевели мозгами! Может, почва там непригодная или
жителям это метро вовсе ни к чему, да ещё страдают от гро-
хота днём и ночью.

– Михал Прокопич, я бы не советовал. В московском суде
судиться с московским мэром – это дело гиблое.

– Неужели судьи взятки перестали брать?

– Проблема тут в другом. Если судья примет решение в
нашу пользу, ему газ в квартире могут отключить или доч-
ку не примут в институт. Вот если бы он жил за пределами
Москвы... Да нет, и тогда найдут, как жизнь испортить. Пом-
нится, одну милую женщину за то, что приняла сторону по-
страдавших от властей, обвинили в беспробудном пьянстве
и отстранили от ведения серьёзных дел.

– Бардак! И это происходит в цивилизованной стране!
Неужели нет никакого выхода?

– Можно заинтересовать его долевым участием в наших

проектах, но вряд ли Судыкин согласится.

– Это почему? Только полный идиот откажется от такой возможности срубить бабла!

– Говорят, что он метит в президенты, а там перспективы необъятные! Да что я буду объяснять, сами знаете.

«Как не знать? Если бы не фамилия, давно бы ударился в политику. Эх, надо было ещё в юности фамилию сменить, а теперь уж поздновато», – такие грустные мысли крутились в голове Михаила Идельсона, когда, стоя у окна, наблюдал за тем, как работают бульдозеры. – «Не дай бог, если под меня начнут копать. От этого Судыкина любой подлости можно ожидать, если станет президентом».

Глава 6. Жили-были мэр со старухой...

Жили они бедно. У мэра всего-то имущества – мэрия, тридевятый год без капремонта, да улей на одну большую Семью.

А старуха сварливая была. Сядет, бывало, у своего пластмассового корыта и начинает нудеть:

– Ты мэр или не мэр? В городе миллионеров не счесть, день ото дня по две штуки прибавляется. А где их селить? В улей свой запихнёшь? Им достойное жильё нужно, а не хибары твои ублюдо-блочные.

– Послушай, мать! Так ведь на окраине места полно. Пусть землю у горожан выкупают да строятся.

– Ну, старче, ты как был голодранцем, так и помрёшь мэром на своём рабочем поприще. Хотя и лысый, а не врубаешься. Сам прикинь. Спокон веку бояре да купцы подальше от черни селились – поближе к мэрии. И кто им тут землю даст, если земля занята? А вот мы, ежели захотим – и дадим. Деревеньки на окраинах снесём. Хибары на их месте построим. И разных недостойных людишек, что поблизости от мэрии ныне проживают, в эти хибары переселим. Судья поможет – Бог простит! Зря что ли свечки ставим? А с миллионщиков этих за каждый квадратный метр вблизи мэрии

– по полцарства возьмём!

– Жлобина ты, старая!

– Сам такой! На какие-такие шиши ты улей приобрёл? Золотая рыбка займы дала или на свою мэзскую зряплату? Не смеши народ, старче!

– Сама-то помалкивай.

На том и порешили...

Накануне Иван Лукич лёг пораньше – по телику опять нечего смотреть, но тут хоть какое-то развлечение, причём с глубоким смыслом. А сегодня ночью и вовсе словно бы наступили на большую мозоль, напомнив о том, как с Патриарших выкинули в Бутово. Сколько он тогда по инстанциям ходил, доказывая, что мэрия нарушила закон! Наконец, подал в суд на мэра, а судья на последнем заседании заявляет:

– Ну нарушил мэр в каких-то мелочах закон, и что? Это дела не меняет, потому как дом, согласно акту экспертизы, находится в аварийном состоянии.

– Так ведь акт липовый, там по каждому пункту один и тот же процент износа, шестьдесят один. Не шестьдесят два и не шестьдесят три, а всё потому, что шестидесяти одного уже достаточно для признания дома аварийным.

– Ну вот, вы же сами сказали, что достаточно. А ставить под сомнения документ с гербовой печатью я вам не позволю.

Сказала бы уж сразу: нельзя ставить под сомнение честность и порядочность мэра, которому приглянулся этот уча-

сток территории в центре Москвы. То есть, конечно, не ему, а застройщику с туго набитым кошельком – ну как такому отказать? Однако судебная тяжба затянулась на год, и богатый купец не стал дожидаться решения суда – нашёл другое место для строительства. А дом так и стоял «бездомным», если такое слово применимо к неодушевлённому предмету. Ну а как иначе? Дом без жильцов – это всё равно, что человек без собственной квартиры.

Вот и Иван Лукич ощущал себя таким, поскольку не верил, что всё это надолго – дворец, царские покои и унитаз с позолотой уже изрядно надоели, но не в этом дело. Он здесь чужой по определению, потому что нормальный человек не может жить среди подобной роскоши – здесь место для музейных экспонатов, для восковых фигур, для рыцарских доспехов, внутри которых пустота. Как тут не сошёл с ума его предшественник за четыре года? И уж наверняка эта обстановка влияет на способность к восприятию реальности. Когда кругом позолота, может показаться, что и за пределами Зимнего дворца все довольны своей жизнью, что там царят мир и благоденствие. Тут впору обратиться... А впрочем, нет – доктора тут не помогут, спасёт от безумия только самообман, на манер того, который взяли на вооружение адепты позитивной психологии. Без этого не выжить, вот и живут здесь словно в сказочном сне.

Если уж зашла речь о безумии, то стоит припомнить нововведения московского мэра. Это и «плиточная эпопея»,

когда тротуары ремонтируют по несколько раз в год, и запрет на использование маршрутных такси, и закрытие на ремонт сразу нескольких десятков районных поликлиник, а в результате людям приходится ехать на другой конец Москвы или обращаться в ближайшую частную клинику, каких развелось видимо-невидимо. И невдомёк мэру, что пока идёт ремонт все опытные специалисты, если они есть, разбегутся кто куда.

Впрочем, одним только безумием то, что происходит в Москве, не объяснить, поэтому Иван Лукич и пригласил сегодня мэра – хочется посмотреть ему в глаза, понять, что творится в голове градоначальника.

Ну вот наконец-то прибыл мэр:

– Иван Лукич, я к вам сразу с поезда. Спешу доложить о наших достижениях и планах на грядущее десятилетие, – и тут же, взяв в руки объёмистый портфель, стал выкладывать на стол картинки, фотографии, даже карту города с собой прихватил.

«И куда торопится? – Иван Лукич рассматривал картинки, а тем временем размышлял совсем о другом: – Ещё неизвестно, что будет со страной через десять лет и кто станет главой государства. А этот всё о своих успехах, и ведь наверняка не зря пиарится – похоже, метит на высокий пост».

– Ну ладно, об этом ещё поговорим. А вот скажите мне, Никодим Степанович, почему жалуются на вас москвичи? Будто бы их не слышат, не учитывают их мнений...

Судыкин не дал договорить:

– Скажите, кто конкретно недоволен. Мы сразу примем меры!

– Да разве важно, кто?

– Иван Лукич! Мы равняемся на большинство, которое наши решения одобряет, – и тут же вывалил на стол кипу писем, окончательно опустошив портфель. – Мало того, нас поддерживают пользователи интернета. Доходит до того, что мой сайт иногда зависает от изобилия одобрительных посланий, но мы работаем над этим, скоро новый сервер установим. Есть мнение, что нужен ещё один телеканал, чтобы в режиме нон-стоп демонстрировать наши успехи.

«Опять он о своём, а меня словно бы не слышит. На что же тогда надеяться простым москвичам?»

– Я вот недавно из Москвы, видел новые транспортные развязки. Думаю, владельцы автомобилей не нарадуются, теперь в пробках не придётся стоять. Хотя при таком обилии личного автотранспорта...

– Полностью согласен, Иван Лукич! Будем расширять автомагистрали, проложим новые. Про Северо-Восточную хорду небось слышали?

– Хорда – это хорошо! Но пора подумать и о пешеходах. Даже по тротуарам в гололедицу не везде пройдёшь, а дворы и вовсе завалены снегом.

– Тротуары расширили там, где есть возможность. Снег с улиц вывозим, а дворы, – тут он запнулся. – Главы управ

говорят, что не хватает дворников, а те, что есть, требуют повышения зарплаты. Так ведь бюджет не резиновый, всех не прокормить.

«Фейерверки устраивают по любому поводу, на увеселительные мероприятия огромные деньги выделяют, а позаботиться о том, чтобы москвичи руки-ноги не ломали, нет средств. Чудеса с этим бюджетом!» А вслух сказал:

– Никодим Степаныч! Вы ведь на автомобиле по городу передвигаетесь?

– А как иначе?

– Тогда понятно, почему все ваши заботы лишь о тех москвичах, что на колёсах.

Судыкин даже привскочил со стула:

– Помилуйте, Иван Лукич! Да если б раньше поступило такое указание, чтобы ходить пешком, я бы все служебные автомобили сдал в утиль! – затем вроде бы задумался: – Только какой будет толк от хромого мэра или однорукого чиновника? Вот и приходится жертвовать здоровьем, сидя в душном салоне, а тут ещё последствия гиподинамии...

«Ничем его не возьмёшь! Вёрткий, как линь – вроде бы поймал, но только снимешь с крючка, а он прыг и снова в воду».

Разговор закончился стандартной фразой:

– Иван Лукич! Будем работать над ошибками, приложим все силы для реализации грандиозных планов. Уверен, что под вашим чутким руководством в самое ближайшее время

добьёмся процветания.

В том, что они и сейчас уже в шоколаде, Иван Лукич ничуть не сомневался, а вот простые люди – им как жить при таких градоначальниках?

Глава 7. Жил-был генерал...

Войско ему досталось не шибко великое. Но зато – лампы широченные да око недрёманное. Скачет как-то генерал на своём боевом коне по полям да по пригоркам и думает. "Чой-то я всё воюю, солдат на поле брани кладу – несть им числа. А всякие там штатские проходимцы в столицах жируют, в каретах золочёных разъезжают, на паркетах вальсируют да в дамских будуарах свою доблесть показывают. Я, чай, тоже не из босоногого сословья, а вот, поди ж ты – который год на войне, щи да кашу солдатскую ем, на соломе сплю. Ну, сколько можно?!"

Про солому да про кашу он, конечно, приврал, но в целом ситуация верно обрисована. И трубить бы генералу по фронтам да на бивуаках ещё не один год, если бы не случился в столице демократический процесс и не пришёл бы по этому случаю к власти его закадычный дружок, ещё по спецгимназии. Ну, а на следующий же день вышел указ о назначении генерала военным министром.

"Фу ты, мать честная! Я уж думал – всё, забыл он про меня и про мою неопишемую преданность. Нет, есть ещё на свете порядочные короли!" Так подумал генерал, примеряя парадные панталоны, сшитые по случаю наметившихся демократических преобразований. А вслух сказал: "Со штанами вроде бы порядок, а теперь, господа заместители и адъ-

ютанты, позаботьтесь о персональной карете для моей дражайшей половины да о загородной резиденции в три этажа с бассейном и теннисным кортом, и чтоб солдатиков для этого дела не жалели – солдат строит, а служба идёт".

Скоро сказка сказывается, а дом с бассейном и гаражом ещё быстрее построили, да и о кортах не забыли. Вот только солдатики нерадивые попались – друг дружку, знай, калечат – то ли по делу, то ли просто так. Так ведь война идёт – а на войне без потерь ну никак не полагается.

Война идёт, король правит, а генерал военную реформу обдумывает. Как бы, думает, под это дело ближний лес, речку и всё, что на том берегу к своим личным угождениям присовокупить, обозначив на штабных картах как секретное стрельбище?

Однако мелко плавает генерал и как-то по-собачьи у него это получается. Скоро сказка сказывается, а до генерала только на исходе демократического процесса дошло, что король-то не вечен. Рано или поздно и ему отдохнуть от государевых дел полагается. А кто его заменит? Встрепенулся генерал, плечи расправил, выгнул грудь колесом. "Кто, как не я?! А кроме меня больше некому!" Так и сказал королю.

Король поскрёб лысину, крикнул: "Ладно, чёрт с тобой! Готовься! Может, и в самом деле настанут такие времена. Так ты при мне вроде резервного короля будешь".

Генерал как такие слова услышал, так от счастья и про реформу забыл, и про тыловое обеспечение. Всем штабным

писарям приказал речь инаугурационную готовить:

– Да чтоб покрупнее писали, а то без очков по складам не разберу.

А тут ведь вот какая незадача в армии случилась. То конь падёт, то боевая колесница развалится, то стрелы в колчанах оказываются без наконечников. Генерал уже королевского покроя галифе заказал, а на солдатах холщовые штаны на второй день после стирки расползаются. Что делать-то? Больно уж не солидное войско для резервного государя.

Долго думали адъютанты да заместители, протирая в креслах добротные офицерские шальвары – и ничего не придумали. А генерал решил так: пусть солдаты воюют без штанов, а от противника вилами да косами отбиваются: «Как-нибудь нелёгкая вывезет меня в короли. Или я не генерал?!»...

Будь Иван Лукич генералом, возможно, так бы и рассуждал – офицерский китель да лампасы способны в корне изменить представления человека об окружающем мире, а его логические построения будут ограничены пределами воинского устава. Тогда и танковый биатлон покажется образцом военной тактики, особенно, если поле боя только по телевизору и видел, просиживая штаны в кабинете. А ну как завтра война?

Тут ужас обуял Ивана Лукича. Мысль о том, что не готов, заставила его вскочить с постели – позвонил министру обороны и приказал срочно собрать заседание командного

состава. Министр спросонья ничего не понял:

– Бомбардировщики в воздух поднимать?

«Похоже, ему тоже сон приснился, но не такой, как мне. Поэтому и готов шашкой махать без всякого разбору».

– Ужо доберусь я до тебя, тогда всё популярно объясню, на всю жизнь запомнишь! Чтоб через час со всеми замами был у меня!

– Так ведь погода нелётная, Иван Лукич, вон как за окном метёт! А если на поезде, разве что к вечеру прибудем в Питер.

«И то верно – все министерства по-прежнему в Москве, поскольку ещё не успели переехать. Ну можно ли воевать в таких условиях?»

– Тогда видеоконференцию проведём.

Тот снова за своё:

– А боевую тревогу объявлять?

«Да что ж это такое? Перепились они там, что ли?» И только тут сообразил, что сегодня День защитника Отечества. «Надо бы поздравить генералов, а я им разнос хочу устроить».

– Ладно, как-нибудь на днях обсудим, когда что объявлять и надо ли.

– А чего тогда звонил?

– Проверка связи.

«Пусть знает, что у меня всё под контролем. Только ведь для того, чтобы разобраться, всё ли у них там в порядке, надо

иметь информацию из первых рук. К примеру, не пропадает ли обмундирование со складов, обеспечены ли средствами наблюдения за противником и надёжной связью. Тут самое время вызвать на доклад Трубачёва, главу Минпромторга». Так и поступил, благо тот уже приехал в Питер, чтобы поучаствовать в каком-то форуме, будто делать ему больше нечего.

Ну вот министр сидит лицом к лицу с Иваном Лукичом и ждёт каверзных вопросов. Знал бы заранее, о чём пойдёт разговор, мог бы подготовиться, скажем, представить отчёт об успехах за прошедший год, но в этой ситуации придётся чем попало отбиваться. А Иван Лукич начал как бы издали, и не понять, к чему он клонит:

– Тут вот какое дело, Макар Петрович! Сегодня День защитника Отечества, а потому хотел бы знать, всё ли мы делаем для нашей армии.

– Так ведь зарплату и пенсии повысили...

Иван Лукич махнул рукой, прервав министра:

– Я не о том. Обеспечена ли армия всем необходимым?

– Все заявки выполняем.

– Полагаете, этого достаточно?

– Иван Лукич! Так откуда же мне знать? Я и в армии-то не служил.

«Белобилетник, что ли? Да нет, судя по анкете, отец от службы в армии отмазал».

– А вот представьте, что ваш сын служит в ВДВ и ему

предстоит участвовать в какой-то военной операции...

– У меня дочь.

«Ни капли фантазии у министра! Типичный крючоктвор, даже к словам президента придирается».

– Ну ладно, допустим, что это сын вашего коллеги по работе... Или у них тоже только дочери?

– Не знаю, Иван Лукич, но непременно выясню.

«Хотел сказать: когда выяснишь, тогда и приходи. Да только зачем понапрасну гонять его туда-сюда, если дело-то совсем не в этом».

– Сформулирую вопрос иначе. Если вас мобилизуют в армию...

Министр снова не даёт договорить:

– Иван Лукич! У меня незалеченная язва.

«Это какое же терпение нужно, чтобы выслушивать все эти отговорки?!»

– Тогда так. Завтра я намерен пойти добровольцем на фронт. Не важно, на какой! Как гражданин России имею право защищать интересы своей Родины даже на дальних рубежах. Вам меня не будет жалко, если окажусь в сыром окопе без сапог, в летней одежонке, не имея никакой технической возможности сообщить вышестоящему начальству, что жрать нечего, а патроны на исходе?

Министр посмотрел по сторонам в поисках подсказки и очень скоро вроде бы нашёл:

– Пусть Госдума пропишет в бюджете соответствующую

строку, тогда рассмотрим вопрос на коллегии министерства. Если, конечно, Минфин не будет против.

Сил вразумлять бюрократа уже не оставалось, поэтому Иван Лукич разговор прервал. «Пока не будет отмашки из Зимнего дворца, пальцем не пошевелим!» И вызвал на ковёр спикера Госдумы – на следующий день тот прилетел, оставив депутатов под присмотром заместителя.

А разговор начался с вопроса:

– Кондрат Василич, вы в армии служили?

– Да нет, не довелось.

«И почему опять такое невезение? Что ни чиновник, то либо хворый, то блатной!»

– Я всё же надеюсь, что вы меня поймёте.

– Весь внимание.

– Нужно срочно подготовить проект закона, который обязал бы правительство и все подконтрольные ему органы всемерно способствовать созданию госрезерва на случай длительной войны, чтобы армия была всем обеспечена, причём по мировым стандартам.

– Иван Лукич, а где деньги взять? В бюджете такой статьи расходов нет и на моей памяти не было.

– Ну так прикиньте, что там можно сократить. К примеру, современные дороги строим, а кто по ним ездить будет, если враг нанесёт нам поражение?

Забродин замотал головой:

– Я такого варианта в принципе не допускаю. Наша армия

сильна как никогда! Таких ракет, которые есть у нас, враги и за сорок лет создать не смогут.

– Смогут или не смогут, это, Кондрат Василич, бабка надвое сказала, а подстраховаться нужно. Нельзя исключать, что будет окопная война, вот и надо о солдатах позаботиться. Ведь тогда без мобилизации нам не обойтись. Или не согласны?

– Да что вы, Иван Лукич? Как можно? Только ума не приложу, какие статьи нам сокращать, – и после короткого раздумья: – Разве что пенсии урезать...

«Опять! Да сколько можно? Издеваются они, что ли?» Поэтому и не сдержался:

– Дай вам волю, пенсионеров на хлеб и воду посадили бы, авось старики как-то доживут свой век.

– Ни боже мой! О немощных и престарелых мы заботимся, а вот те, что помоложе, могли бы сами зарабатывать на жизнь. Нельзя же вечно сидеть на шее у государства.

«Вот ты как заговорил! Себе безбедную старость обеспечил, а на остальных плюёшь с высокой колокольни!»

– Ну и как определить, может человек работать или же не может?

– Мы этот вопрос уже прорабатываем в комитетах. Есть предложение ввести обязательную диспансеризацию по полной программе, то есть от пяток до макушки. А уж врачи пусть вынесут вердикт.

– То есть, если нет сил, чтобы работать, а врачи говорят:

«трудись на благо Родины», этот человек должен богу душу отдать на своём рабочем месте?

Забродин поначалу не нашёл чем возразить, а потом выдал стандартную фразу – Иван Лукич слышал это от чиновников не раз:

– У нас правовое государство. Если кто-то чем-то недоволен, пусть обращается в суд.

«Так ведь результат заранее известен... Дать бы ему в лоб! Да толку-то?»

Глава 8. Жила-была золотая рыбка...

И поймала она как-то старика. Да не на удочку, а на монетку медную – она её для приманки на отмель положила. Старик увидел, будто что-то в воде блестит, руку протянул, а рыбка тут как тут – старика хватить за палец.

– Отпусти меня, золотая рыбка, – взмолился старче.

– Как бы не так! – отвечала рыбка. – Сначала поклянись, что старуху бросишь и на мне женишься.

– Да как же я на тебе женюсь? Ведь ты как рыба в воде, а я побарахтаюсь, побарахтаюсь и утопну.

– Так ты, старый дуралей, плавать научись! Кто тебе мешает?

Подумал, подумал старче и согласился – пальца, видать, стало жаль. Лапти и всё лишнее с себя снял и остался в одних исподних. А что, думает, может, и вправду научусь, и заживу тогда, как султан, в своём речном гареме. Шагнул в воду, ещё шажок сделал, потом ещё... и вдруг как ухнет! И душа, и тело – всё под воду ушло и непонятно, как оттуда выбираться будут. Потому что кругом синь непроглядная, только окуньки полосатые да щуки зубастые шныряют. И самое главное, среда обитания какая-то малопривычная – дышать, ну совершенно нечем. Нет, думает старче, это всё мне ни к

чему. Еле выбрался на берег, смотрит, а одёжки-то его нету. Глянул туда, глянул сюда – ни рубахи, ни лаптей, одно расстройство. Обматерил старик, как мог, золотую рыбку, которая его как какого-нибудь лоха заморского провела, и поплёлся домой в чём был, благо тут рядом. Приходит – и на тебе! Изба, а вроде бы и не изба, потому что на дверях вывеска: «Заказник по разведению золотых рыбок». И старуха его тут же сидит да черпаком в корыте орудует. Глянул старик в корыто, а там только пескари одни плавают.

– Где ж, – спрашивает, – твои золотые рыбки?

– А ты глаза протри, старый дурень, – отвечает старуха и новую порцию пескарей в корыто выплёскивает.

Подумал старик, поскрёб затылок. А может, и вправду не в позолоте дело и не в содержимом рыбьей головы? Главное, чтоб пасть кусачая была и чтоб старуха с черпаком поодаль стояла. Тогда всякая щука, не говоря уже о карасе, этого пескаря бояться будет.

Только бы пескарь, когда вырастет до неопикуемых размеров, старуху не сожрал...

Это был тот единственный, в своём роде уникальный сон, в котором Иван Лукич так и не смог уразуметь серьёзного намёка. Положим, старик – это народ, золотая рыбка – либералы-зазывалы, а старуха – верховная власть. Не надо быть о семи пядей во лбу, чтобы об этом догадаться. Но причём тут пескари, да ещё зубастые?

Только уже потом, после завтрака уединился Иван Лукич

в своём кабинете, приказав не беспокоить, и стал прикидывать варианты – кто же из участников трагифарса, свидетелем которого в последние дни он стал, подходит на роль такого пескаря?

«С Пеструхиным всё предельно ясно – типичный служака, такой прёт как танк, не взирая на препятствия. Политикой никогда не увлекался, поэтому будет востребован при любой власти – хоть при коммунистах, хоть при либералах. Чем-то он напоминает роботизированный комплекс, который работает по заданной программе. Может и проглотить кого-то, но без злого умысла – просто потому, что не заметил, как рыбёшка оказалась у него во рту. А в основном питается планктоном.

Трубачёв? Этот женился на дочери крупного чиновника, поэтому все пути были для него открыты. В итоге дослужился до министра, но дальше не пойдёт – не по силам ему кого-то проглотить.

Мясоедова можно сразу выкинуть из списка претендентов на роль зубастого. Кто-то по дружбе или из сострадания приютил его, нашёл местечко недотёпе в коридорах власти, а тот и возомнил о себе невесть что. На самом деле, жалкая личность, типичный подкаблучник, однако своего не упустит, если на этом настоит жена. Но даже если она будет требовать, чтобы кого-то проглотил, результат более, чем очевиден – съедят именно его и не подавятся.

Судыкин, как и многие чиновники такого ранга, напоми-

нает гастролёра – приехал, чтобы заработать себе, чадам, домочадцам на безбедную жизнь. Похоже, получил то, чего хотел, а дальше оказался как бы на распутье – то ли рискнуть, то ли поостеречься, удовольствоваться тем, что есть? И кое в чём он прав – не рассчитав своих сил, ненароком можно подавиться и в итоге дорога предстоит не в Кремль, а на Ваганьково. Это если не поможет промывание желудка.

Кандидатуру Мудрикова даже не стоит обсуждать – как был бухгалтером, так им и остался.

А вот Забродин – очень интересный персонаж. В бизнесе толком ничего не получилось, поэтому ударился в политику. Кому только ни присягал! И наконец-то получил солидный пост – теперь держит Думу в ежовых рукавицах, не терпит слушания, действуя по принципу: шаг влево, шаг вправо считается изменой Родине. С таким даже в одном лифте находиться небезопасно, поскольку сразу учинит допрос: ты за кого голосовал на выборах – за них или за нас? Не так ответишь – придётся подниматься по лестнице пешком. Но вряд ли народ его на выборах поддержит».

В общем, не нашёл Иван Лукич однозначного ответа на вопрос: кто самый зубастый из этих персонажей? Вот если бы довелось ему присутствовать на тайной вечере, состоявшейся накануне где-то на Рублёвке, не пришлось бы ломать голову, пытаясь разобраться, что да как. Здесь были знакомые всё лица – премьер-министр Пеструхин, глава правящей партии Мясоедов, спикер Госдумы Забродин и два мини-

стра, глава Минфина Мудриков и глава Минпромторга Трубачёв. На повестке заседания стоял один вопрос: как дальше жить в таких условиях? Первым слово взял премьер-министр:

– Так что делать будем, господа хорошие? Неужели процветанию пришёл конец и придётся пояса затягивать? Ваше мнение, Кондрат Васильевич.

– Да что тут говорить? – отвечал спикер. – Работать стало совершенно невозможно. Прежний-то не глядя всё подписывал, только спросит: «Мои пожелания учли?», мы ему: «А как же!» И больше никаких вопросов. Ну а теперь приходится каждую запятую выверять, не дай бог, буковку пропустим, он нам сразу от ворот поворот.

– Истинная правда! – поддержал глава Минфина. – Словно голытьба какая-то на него батрачим, никакого уважения к заслуженным работникам.

– Вот-вот! А меня с моей-то язвой захотел отправить прямиком на фронт, – глава Минпромторга для наглядности обнажил живот, вызвав сочувственные возгласы собравшихся.

И только Мясоедов поначалу не понял, что к чему:

– Так войны-то вроде нет.

Пеструхин поспешил на помощь:

– Антон Евгеньевич, дорогой! В том-то и дело, что нам это ни к чему. Для того и собрались тут, чтобы найти способ выхода из кризиса... Так какие будут предложения?

Судя по лицам, мозговые извилины работали напряжён-

но, однако при такой-то скорости мышления процесс принятия решения мог затянуться до утра. Поэтому премьер-министр рискнул предложить свой вариант, хотя заранее знал, что не одобрят:

– А может, поговорить с ним по душам, так мол и так, зачем менять привычный нам жизненный уклад, если растёт помаленьку экономика...

Глава Минфина не дал Пеструхину договорить:

– Семён Василич! Да плевал он на эту экономику! Ему себя надо показать, проявить заботу об униженных и оскорблённых. Мы вроде как изверги, а он белый и пушистый.

– Ну и зачем ему всё это нужно? Чтобы при жизни памятник поставили? Не понимаю я таких людей, ну никак не понимаю!

Мудриков попытался разъяснить:

– Я думаю, всё дело в том, что он даром всё получил, не приложив к этому особенных стараний. Народ проголосовал, и в одночасье к его услугам вся страна! Вот если бы как мы продирались через тернии к нынешнему благосостоянию, тогда бы всё могло быть по-другому.

– Не скажи! – возразил Забродин. – Есть такая категория людей, которые и сами ничего не могут, и другим не дают. Вот он именно такой!

Поиск решения вроде бы зашёл в тупик, но тут опять взял слово Мясоедов:

– Я так понимаю, импичмент ему не грозит, поскольку нет

ни причин, ни повода.

Остальные согласно закивали.

– А что, если собрать понемногу деньжат со всех, кому он поперёк горла встал? Наверняка наскребём сотню миллионов евро, а то и больше. Купим ему виллу где-нибудь в Испании, а остальное положим на его имя в швейцарский банк.

– Взятку не возьмёт! – категорично заявил Пеструхин.

– Ну почему непременно взятка? Просто взаимовыгодный обмен – мы ему обеспечиваем роскошную жизнь, а он подаёт в отставку.

– Он на своей нынешней должности может на порядок больше заработать, было бы желание. Друзей озолотит – они и станут для него чем-то вроде кошелька.

– Ну, тогда не знаю, – сдался Мясоедов.

Снова заработали извилины в мозгах, но ни одной достойной мысли так и не возникло. Одно дело – пенсионеров обирать, и совсем другое – поднять руку на гаранта Конституции!

Итог встречи подвёл премьер-министр:

– Думаю, что не ошибусь, если выражу консолидированное мнение – пора положить конец его правлению, и как можно раньше, пока он всех нас не угробил. А для этого надо найти такое решение, которое бы не допускало никаких экивоков – должно быть однозначно сказано: с завтрашнего дня он уже не президент!

Послышался тяжкий вздох, причём вздохнули все при-

сутствующие разом. В этом вздохе слились и накопившиеся обиды и надежда на скорое избавление от непосильного гнёта, от неоправданных придирок со стороны обитателя Зимнего дворца. Вопрос лишь в том, кто произнесёт те долгожданные слова.

И тут снова возник Мясоедов:

– Пожалуй, есть у меня такой человек. За сотню лямов евро, если наскребём, всё как надо сделает.

Антон Евгеньевич не смог бы объяснить, как добиться желаемой цели. Однако некий внутренний голос подсказал: «Только Яша Либерзон спасёт Россию!» Пришлось поверить. А потому что больше некому.

На следующий день позвонил Либерзону и объяснил ситуацию, не вдаваясь в детали:

– Миша обещал подключить тебя к решению одной проблемы, очень важной для меня.

– Было дело! Однако не уверен, что получится.

– А если стоимость проекта оценить в сто лямов?

В трубке что-то зашуршало – видимо, такой звук издавали Яшины мозги при повышенной нагрузке, но вот наконец Либерзон созрел:

– Надо бы ещё один нолик приписать.

Надо бы с кем-то посоветоваться, но Софочки рядом нет, поэтому рискнул принять решение самостоятельно:

– Согласен, если разделить всё пополам.

В трубке снова зашуршало, а потом последовал вопрос:

– Когда это нужно?

Антон Евгеньевич еле сдержался, чтобы не сказать: «Сию минуту!» Но потом сообразил, что ещё нужную сумму предстоит собрать:

– Могу я надеяться, что будет выдержан принцип: утром стулья, а вечером деньги?

– Вполне! Ваша репутация не допускает никаких сомнений.

– Тогда позвоню на днях.

– Чем скорее, тем лучше, а то обстановка может в корне измениться.

Что там может измениться, Антон Евгеньевич выяснять не стал, да и опасно делать это по телефону. Тут же позвонил Пеструхину, и всё завертелось, да так быстро, что уже к ночи на специально открытом банковском счёте образовалась требуемая сумма. Всё, что свыше, Пеструхин с Мясоедовым поделили между собой – что-то вроде комиссионных за труды.

Глава 9. Жил-был король...

При нём жила блоха. Ха-ха! Так вот, король королевством управляет, а блоха ковыляет за ним из залы в залу, из королевской трапезной в королевские покои. И стражники все как один честь отдают персоне, особо приближённой к Его Величеству.

Величество немалое было, а блоха против него совсем крохотная. Только ведь укусит – и больно станет. А король – попробуй укуси, враз на импичмент нарвётся. Вот и пользовался он услугами блохи, если какой вельможа или просто номенклатурный гражданин лично ему, а то и всей державе особенную неприятность доставит. Блоха тут как тут, скок-скок – укусит и была такова. Укушенный от боли шею трёт, а королю только это и нужно. "Чтой-то чешешься, словно бы завшивел – мне таких не надобно. А пошёл-ка ты вон!" И отправляет укушенного на другую должность – может, там чесаться перестанет. Так и жили – от укуса до перемены мест слагаемых в королевской свите.

И вот однажды пришла в крохотную блошиную головку нечаянная мысль. "А что, если я короля укушу? Он что ж – почешется, почешется, да и сам себя на другую должность отправит. Только ведь я-то вовсе не обязана за ним скакать, мне и без него работы во дворце достанется. При новом-то короле, глядишь, и вовсе незаменимой буду – ему же под

себя чуть не всю свиту менять да, почитай, всю державную номенклатуру. А уж я кого укушу, того он и погонит".

Сказано – сделано. Изловчилась блоха, скакнула выше монаршей головы да прямо в лысину его и укусила.

Король аж присел от неожиданности. "Измена, братцы!" Это что ж – его любимица так с ним паскудно поступила. Рассерчал король и блоху прихлопнул.

На следующей аудиенции, за неимением другой возможности, король сам вельможу укусил. А ещё через день придворные ему импичмент учинили. Так что права оказалась блоха – сменили короля. Да что ей толку-то?..

«Что ни сон, то загадка! – эта мысль посетила сознание Ивана Лукича в ту же минуту, как проснулся. – Теперь оказывается, что не только пескаря кусачего надо бояться, но и самого себя. Вот уж этого никак не ожидал!» Во власти издавна так повелось – подсиживать соперника в борьбе за высокий пост, доходило до того, что в правоохранительные органы поступало по несколько доносов в день на одного и того же человека. Но те времена давно прошли, и теперь в ходу другие методы – нашёптывают начальнику на ушко либо выбирают из сослуживцев самую болтливую особу, ей и сообщают под большим секретом «компромат». В общем, всякое бывало, но, чтобы начальник покусал своего подчинённого... «До какого же состояния надо человека довести, чтобы решился на такое?»

Тут только понял Иван Лукич, что уже близок к своему

пределу – желание дать собеседнику в лоб не раз возникало за последние дни, еле-еле сдерживался. Видимо, этот сон – предостережение, чтобы держал себя в руках. И впрямь, то и дело он спрашивал себя: «Ну какой же я "государь", если не решаюсь дать под зад этим проходимцам?» Однако премьер-министра так просто с должности не снять – Дума воспротивится, да и с остальными возникнет заковыка. «Так царь я или же не царь?» И только тут до Ивана Лукича дошло, что его последний сон – это даже не предостережение, а прямое указание на то, что вот-вот он лишится своего поста, поскольку вынесут импичмент. Это в том случае, если и впрямь возомнит себя царём и начнёт кадровую чистку.

Ещё несколько дней назад он не возражал, если бы прямоком отправили домой, в московскую квартиру, ну а теперь... «На-ка выкуси, так просто вам не сдамся! Если уж народ меня избрал, буду бороться за его права до самого конца!» Но как? Если объявить ЧП, распустить Госдуму, чтобы потом расправиться с премьером и его приспешниками, это и будет то самое, когда король стал кусать своих придворных. Тогда обвинят в измене Родине и отправят на Колыму или в Мордовию. Долго думал Иван Лукич, но ничего так и не придумал, а всё потому, что посоветоваться не с кем – сам-то он не имел никакого опыта в таких делах.

«Но как же я попал в эту передрагу? Поначалу казалось, что это лишь благотворительная акция на день, на два, а теперь вон как обернулось». Стал припоминать: вроде бы с

полгода назад пришли к нему двое, представились как члены Высшего совета правящей партии и говорят:

– Иван Лукич! Анкета у вас чистая на загляденье, круглый сирота, воспитывались в детском доме, семьёй не обзавелись, опять же на выборах всегда голосуете за нас, да и по работе нареканий не было. Поэтому вы нам подходите.

– Для чего это?

– Хотим выдвинуть вас кандидатом в президенты.

«Я так и ахнул!.. А больше ничего не помню – что, как и почему. Видимо, не смог им отказать... Дальше всё словно бы в тумане – выступления по телевизору, на каждом углу мои портреты в три аршина высотой... Вроде бы пытался дать задний ход, мол, не потяну я на этой должности, мне бы что-нибудь попроще. А они в ответ: "Поздно, дорогой Иван Лукич, средства огромные затрачены на создание соответствующего имиджа, так что до скончания своих дней вам не расплатиться". В общем, зажмурился и думаю: будь, что будет! Ну а очнулся только в царских покоях на Дворцовой площади. И что теперь, ума не приложу!»

Тем временем Яша Либерзон тоже напрягал свои мозги, но по другой причине. Деньги Мясоедов предложил немалые, но как к этой задаче подступиться? Даже намёток никаких нет. Вот кабы знать, что такая ситуация возникнет, можно было бы заранее подготовиться, а тут надо что-то придумать *post factum* – дело это, считай, совершенно безнадёжное. К примеру, если поезд уже ушёл, как отцепить от него

один вагон? Придётся догонять на попутном транспорте. Но вот уже поезд дошёл до станции назначения, товар перегрузили на подводы и под звуки марша, в сопровождении роты королевских драгун отправили по адресу, и более того – поместили туда, куда при всём желании проникнуть невозможно. Что тут можно предпринять? И вдруг Яшу осенило: а что, если они вагоны перепутали?

Несколько дней прошли в хлопотах – Яша Либерзон целыми днями просиживал у компьютера, потом отправился в командировку куда-то за Урал, ну а Иван Лукич практически не выходил из кабинета, пытаясь найти выход из ситуации, в которую попал. Сначала пытался перекроить государственный бюджет, но быстро понял, что ему это не по силам. Затем стал разрабатывать реформу государственного управления, которая предполагала упразднение ряда министерств. Когда из этого тоже ничего внятного не получилось, решил начать, что называется, от печки, доработав Конституцию, и, как ни странно, дело у него пошло. Особенно удались те статьи, где говорилось о справедливости и о правах российских граждан. В частности, появился четвёртый пункт статьи под номером пятьдесят пять, так что два последних абзаца этой статьи теперь выглядели следующим образом:

«3. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных инте-

ресов других лиц, если таковые не находятся при исполнении служебных обязанностей, а также в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства».

«4. Права и свободы человека и гражданина не могут быть ограничены федеральным законом, если упомянутое ограничение предпринимается исключительно в целях защиты интересов высших должностных лиц государства или территориального объединения, входящего в его состав».

Дело в том, что третий пункт в прежней редакции допускал явный произвол, к примеру, полиция могла перекрывать движение транспорта по автомагистралям во время проезда президента или одного из руководителей Федерального собрания, а чиновники имели право снизить пенсии ради повышения своей зарплаты. Теперь третий пункт ограничивал возможности свободного толкования «защиты интересов других лиц», ну а четвёртый и вовсе ставил на этом жирный крест.

Иван Лукич как раз подправлял стиль изложения и уточнял формулировки, когда открылась дверь и в кабинет в сопровождении дворцовой охраны вошёл председатель Высшей избирательной комиссии. Едва переступив порог, он заявил:

– Прошу освободить царские покои.

Иван Лукич в недоумении:

– Как это так?

– Ошибочка вышла! Но мы не виноваты – то ли компью-

тер у нас глючил, то ли вирус залетел, но программа всё напутала, только сейчас разобрались. Короче, вы не тот Иван Лукич, которого избрали президентом.

– Ничего не понимаю! А кто же выступал на митингах, участвовал в дебатах?

– Вы были доверенным лицом кандидата, от его имени и выступали.

– А фотографии по всей Москве?

– Фотографа накажем.

– Так люди же не поверят в такую чепуху!

Председатель улыбнулся:

– Вот уж об этом не стоит беспокоиться, всё сделаем как надо.

Вот и верь им после этого!..

Хорошо хоть оставили на память красные панталоны и сапоги со шпорами, да ещё охранник подарил чёрные очки. Так и ехал Иван Лукич до Москвы, не снимая очков и закутав пол-лица шарфом – хотелось избежать лишних разговоров. А дальше как? Придётся прятаться от людей, пока борода и усы не отрастут, а за это время не только фамилию сменить, но и квартиру – неужто власть не пойдёт навстречу в столь щекотливой ситуации? Ну а пока суть да дело, можно взять отпуск за свой счёт и пожить на даче у приятеля – тот только летом там наездами бывает.

Другой бы на его месте вышел на Дворцовую площадь и во всеуслышание заявил, что злыдни устроили дворцовый

переворот, но Иван Лукич не хотел попасть в дурдом, поэтому ограничился анализом того, что с ним случилось. И вот по мере размышлений возникла такая версия развития событий.

Допустим, некто Х хочет стать царём Всея Руси, однако шансов победить на выборах кот наплакал – это показывают опросы общественного мнения. Как тут быть? Товарищам по партии веры нет, поскольку у каждого свои амбиции – как сядет на трон, так и забудет обо всех договорённостях. Тут нужен посторонний человек, который за бутерброд с паюсной икрой согласится плясать под чужую дудку, исполняя всё, что ему нашепчет Х.

И вот вроде бы такого человека отыскивали. По всем параметрам Ивана Лукич подходит, но в первый же день его царствования случилась незадача – ни с того, ни с сего отказался подписывать законопроекты и указы, да ещё начал совестить министров, мол, о людях надо думать, а не о своей карьере. Видно, с памятью у него серьёзные проблемы – напрочь забыл о том, что обещал, вот и поднял руку на святое, то есть на бюджет, а ведь с таким трудом его сверстали! Пробовали и так, и сяк этому недотёпе объяснить, а он ни в какую, словом, закусил удила и понёсся вскачь. Потому и приняли решение: пора избавляться от такого чудака! Но как?

Нашлась «светлая голова», которая подсказала оптимальный путь решения проблемы. Разыскали в таёжной глухомани старичка по фамилии Сиротин, имя-отчество тоже сов-

падает – Иван Лукич. Поначалу возникло опасение, как бы и этот не взбрыкнул, но доктора заверили, что не способен – старческий маразм в последней стадии, ему и жить-то осталось всего ничего.

И тут возникает вопрос: кто заменит старичка, если он не сможет исполнять свои обязанности или, не дай бог, помрёт? Премьер-министр – так Конституция гласит. Тогда он и есть тот самый Х – Семён Иванович Пеструхин... Вот этого Иван Лукич никак не ожидал! Если бы такую комбинацию разработал Забродин, тогда всё встало бы на свои места, ну а Пеструхин прежде был далёк от политических интриг. Неужели пребывание во власти и его не пощадило?

А что, если Х – это дракон с несколькими головами? Одну отрубишь, а другие – снова за своё! Да ещё на месте той, отрубленной вырастет такая же, с большой зубастой пастью – любого заглотнёт и ничуть не поперхнётся. Ну и где тот русский богатырь, который с этим монстром справится?